

ШЕРЛОК

Артур Конан Дойл

ЗАПИСКИ О ШЕРЛОКЕ ХОЛМСЕ

Предисловие
Стива Томпсона

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111–312.4
ББК 84(4Вел)–44
Д62

Arthur Conan Doyle
THE MEMOIRS OF SHERLOCK HOLMES

Introduction by Steve Thompson

Published in 2012 by BBC Books, an imprint of Ebury Publishing.
Ebury Publishing is a part of the Penguin Random House group of
companies.

Sherlock is a Hartswood Films production for BBC Wales,
co-produced with MASTERPIECE.
Executive Producers: Beryl Vertue, Mark Gatiss and Steven Moffat
BBC Executive Producer: Bethan Jones
MASTERPIECE Executive Producer: Rebecca Eaton
Series Producer: Sue Vertue

Дойл, Артур Конан.

Д62 Записки о Шерлоке Холмсе : [перевод с англий-
ского] / Артур Конан Дойл. — Москва : Издательство
АСТ, 2016. — 352 с.

ISBN 978-5-17-098067-3

Мистер Шерлок Холмс — человек, которому, без сомнения, есть что вспомнить. Знаете ли вы, к примеру, каким было его первое расследование? Или о том, какую тайну хранит ритуал одного из древнейших родов Великобритании, лишенный смысла даже для его прямых потомков? А о том, что Майкрофт, старший брат Холмса, превосходит его в искусстве дедукции? Наконец, можете ли вы представить себе, что один-единственный человек может стоять за половиной всех злодеяний, совершаемых в Лондоне? А ведь великий детектив уверен: в тот день, когда он увенчает свою карьеру поимкой или уничтожением этого человека, мемуарам доктора Уотсона придет конец...

УДК 821.111–312.4
ББК 84 (4Вел)–44

Introduction © Steve Thompson, 2012.
This book is published to accompany
the television series entitled Sherlock,
first broadcast on BBC in 2012
Front and back cover photographs by
Colin Hutton © Hartswood Films Ltd

ISBN 978-5-17-098067-3

© М. Фетисова, перевод предисловия
© Оформление ООО «Издательство АСТ», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие Стива Томпсона	7
Серебряный. <i>Перевод Ю. Жуковой</i>	13
Желтое лицо. <i>Перевод Н. Вольпин</i>	49
Приключения биржевого клерка. <i>Перевод В. Вебера</i>	77
«Глория Скотт». <i>Перевод Е. Филипповой</i>	105
Обряд дома Месгрейвов. <i>Перевод Д. Лившиц</i>	137
Рейгетские сквайры. <i>Перевод Г. Весниной</i>	166
Горбун. <i>Перевод Г. Весниной</i>	195
Постоянный пациент. <i>Перевод Г. Весниной</i>	221
Случай с переводчиком. <i>Перевод Н. Вольпин</i>	246
Морской договор. <i>Перевод Г. Весниной</i>	274
Последнее дело Холмса. <i>Перевод Д. Лившиц</i>	324

ПРЕДИСЛОВИЕ

Каждый поклонник Холмса может вспомнить свою первую встречу с этим человеком. Для меня это был июль 1977 года.

Мне было десять лет (типичный подросток 70-х: обтягивающая водолазка, брюки-клеш и адская стрижка). Отец повез нас на каникулы в Камбрию. Погода стояла наимрачнейшая, остановились мы в жилом амбаре — в те дни достаточно было окатить сарай из шланга, чтобы тот стал «жилым». Мы с сестрой умирали со скуки — хотя провели, пялясь на дождь, всего лишь день, — постоянно ноя, что хотим развлечений. Единственным спасением стал черно-белый телевизор, стоящий в углу нашей сырой комнаты. На «Би-би-си-Два» был «сезон Холмса» — заново показывали все фильмы с Рэтбоуном и Брюсом. Каждый вечер — новый фильм. Так я впервые увидел этого человека. На зернистом переносном телике. В хлеву.

Бэзил Рэтбоун — *настоящий* Шерлок Холмс. Изящные манеры, благородный профиль, голос, такой богатый и притягательный. Я сидел как замороженный, совершенно очарованный этим ярчайшим ге-

нием. Я никогда не видел никого, подобного ему. Он на самом деле мог заключить, что было совершено преступление, по следам краски на шляпке винта. Он мог вывести историю жизни человека по стертому наконечнику трости. Я тоже хотел уметь так! Впервые в истории интеллект казался таким привлекательным и крутым. Шерлок Холмс увлек меня в опасный и экзотический мир — мир, где злодеи не просто бьют вас дубинкой по голове, но сначала присылают апельсиновые зернышки, чтобы навести страху. (Я отчетливо помню, как дрожал на диване, смотря «Шерлока Холмса перед лицом смерти», триллер, основанный на пятом рассказе этого сборника, «Обряд дома Месгрейвов».)

Забыв о спокойной величественности Озер, я думал только о том, как бы быстрее вернуться в наш хлев вечером и включить телевизор. Шерлок Холмс — парень, с которым я хотел водиться. Если честно, я хотел *быть* им. Мы с сестрой стали Холмсом и Ватсоном*, желающими засечь искусных преступников, держащих путь через сельскую местность, чтобы спрятать украденный жемчуг или сломать позвоночник очередной жертве. Преступный мир еще никогда не был таким чарующим — а ведь буквально вчера я хотел играть в рок-группе. Сегодня же я решил стать детективом. Судя по всему (так сказал мой отец), фильмы были сняты по кни-

* В русском дубляже телесериала «Шерлок» используется именно такой вариант перевода фамилии доктора, тогда как во многих (в том числе и помещенном в настоящее издание) переводах произведений Конан Дойла встречается вариант «Уотсон». — *Прим. ред.*

гам. Так что, когда каникулы закончились, я собрал свои карманные деньги и отправился в *WH Smith**...

Каждый поклонник Холмса помнит свой первый сборник рассказов. Мой был толстой антологией в черно-красной мягкой обложке. Конан Дойл захватил меня с первой страницы и уже никогда не отпускал.

Сентябрь две тысячи восьмого. Тридцать один год спустя. Званный обед. (Теперь я хожу на званые обеды, потому что стал правильным взрослым. Даже приношу вино, и все такое.) Дом Стивена Моффата в Лондоне. Я, Стивен, Марк Гэтисс и наши спутники. Стивен захотел поговорить со мной о каком-то телевизионном сериале, который они придумали...

— Мы решили снять сериал про Шерлока Холмса, перенеся действие в современность.

Я с энтузиазмом кивал и размышлял: «Я не ослышался? Шерлок Холмс в двадцать первом веке? А это сработает? Ведь Холмс неразрывно связан со своей эпохой. Его мир наполнен двуколками, клубящимся туманом, газовыми лампами и секретными шифрами, выведенными кровью на стенах готических особняков. Можно ли перетащить Холмса, упирающегося и кричащего, в современность?» Стивен, как всегда, кипел энтузиазмом и бодро намекал на фильмы Рэтбуна, действие большинства из которых было перенесено в 1940-е: «Если Рэтбуун смог, то и у нас получится».

* Одна из крупнейших розничных сетей в Великобритании, основанная почти 200 лет назад и специализирующаяся на продаже книг, периодики и канцелярских товаров. Название стало нарицательным и часто употребляется просто в форме «Дабл-Ю-Эйч». — *Прим. ред.*

— Хочу ли я написать эпизод? Спрашиваете!

Итак, спустя три десятилетия после первой встречи с Бэзиллом мне предложили принять эстафету и внести вклад — очень небольшой — в наследие Шерлока Холмса.

Я склонен полагать, что сэр Артур одобрил бы то, что мы сделали в сериале «Шерлок». (О'кей, я могу так говорить, потому что это не мое детище, а Стивена и Марка — я просто примкнул к победителям после приятного ужина.) Создатель Холмса был весьма плодовитым — он написал пятьдесят шесть рассказов и четыре повести, чтобы познакомить нас с величайшим литературным сыщиком, но его отношения с собственным творением складывались непросто. Он никогда не ценил и не защищал его. Сначала Холмс был продовольственным талоном, прибавкой к докторскому жалованью: 50 000 слов, отправленные в издательство «Уорд-энд-Лок», принесли писателю скудные 25 фунтов за права и публикацию в рождественском альманахе. Он выпустил это ослепительное создание в мир, и именно мир создал из него легенду. Шерлок Холмс стал предметом бесконечных новых трактовок, причем некоторые появились уже при жизни Конан Дойла. И тот не был против.

Шапка охотника на оленей — наглядный пример. Она ни разу не упоминается — ни в историях, которые вы будете читать, ни в тех, что были до или после. Сидни Пэджет, художник журнала «Стрэнд», питал нежность к этому головному убору, и именно он первым нарядил в него Холмса. Фраза «Элементарно, мой дорогой Ватсон!» неразрывно ассоциируется с Холмсом, но Конан Дойл никогда ее не использо-

вал. (На протяжении всех историй Холмс восклицает «Элементарно!» всего четыре раза – и всё.) Изогнутая трубка – более позднее дополнение, внесенное актером, игравшим Холмса на сцене. Он предпочел пенковую трубку прямой, потому что неуклюже обращался с реквизитом, а загнутую трубку было легче удержать. Итак – никакой шапки, трубки и знаменитой фразы.

А ошибки! Сколько жен было у Ватсона? Что-то между одной и пятью – тексты тревожно противоречивы. А полученное на войне ранение: сначала оно находится на плече, а потом перемещается на ногу. Но мы, конечно, никогда не обращаем на это внимания. А даже если и обращаем, то, ослепленные блеском героев и их приключений, никогда не заостряем внимания на мелочах.

Так что не думаю, что мистер Дойл расстроился бы, узнай он, какие вольности мы позволили себе с его творением. Он к этому привык. Шекспировские канонические произведения так же часто обновлялись в современных интерпретациях. И это, конечно, говорит о его величии. О том, что и без газового освещения, тумана и жутковатых помещений созданный им персонаж по-прежнему остается Шерлоком. Его голос заглушает любой гул.

Последний рассказ в этом сборнике называется, соответственно, «Последнее дело Холмса». (Предупреждение: если вы еще не знаете, чем все закончится, не читайте это предисловие дальше! Не надо. Я серьезно.) Профессор Мориарти борется с Холмсом над смертельно опасным обрывом на краю Рейхенбахского водопада в Швейцарии. Рисунок Пэджета, изображающий двух дерущихся не на жизнь, а на

смерть мужчин, безусловно, один из самых канонических. В конце этого сборника сэра Артур лихо уничтожил свое творение. Неудивительно, что после этого он испытал на себе ужасный гнев читателей. В лондонский дом писателя пачками приходили письма с угрозами. Его осуждали в газетах. Карикатуристы изображали его плачущим над гробом. Писатель даже признавался, что однажды на улице какая-то женщина побила его зонтиком. В конце концов, он был человеком, убившим их любимого Шерлока Холмса.

Чтобы избежать общественного гнева, Конан Дойл уехал за границу, но с каждым днем решимость его ослабевала. Покорится ли он в конце концов неизбежному и вернет ли Шерлока к жизни?

Увы, это предисловие не распространяется на рассказы, вышедшие после «Записок». (Не хочу испортить концовку, но, держу пари, вы знаете, к чему я веду. *Есть* и другие истории!) Если Конан Дойл и сам не удержал своего героя в мире мертвых, то мне нравится верить, что он простит следующим поколениям, воскресившим великого сыщика в другом виде. Он простит Бэзилу, что тот надел фетровую шляпу и боролся с нацистскими шпионами в военном Лондоне, во имя Шерлока. И, надеюсь, простит и нас за костюмы от «Вествуд», блоги, эсэмэски и никотиновые пластыри.

Шерлок Холмс никогда не упокоится — он зовет к нам из ледяных глубин Рейхенбаха. Но все наши современные вариации меркнут по сравнению с изысканными конандойловскими оригиналами. Насладитесь ими!

Стив Томпсон

СЕРЕБРЯНЫЙ

— Боюсь, Уотсон, что мне придется ехать, — сказал как-то за завтраком Холмс.

— Ехать? Куда?

— В Дартмур, в Кингс-Пайленд.

Я не удивился. Меня куда больше удивляло, что Холмс до сих пор не принимает участия в расследовании этого из ряда вон выходящего дела, о котором говорила вся Англия. Весь вчерашний день мой приятель ходил по комнате из угла в угол, сдвинув брови и низко опустив голову, то и дело набивая трубку крепчайшим черным табаком и оставаясь абсолютно глухим ко всем моим вопросам и замечаниям. Свежие номера газет, присылаемые нашим почтовым агентом, Холмс бегло просматривал и бросал в угол. И все-таки, несмотря на его молчание, я знал, что занимает его. В настоящее время в центре внимания публики было только одно, что могло бы дать достаточно пищи его аналитическому уму, — таинственное исчезновение фаворита, который должен был участвовать в скачках на кубок Уэссекса, и трагическое убийство его тренера. И когда

Холмс вдруг объявил мне о своем намерении ехать в Кингс-Пайленд, то есть туда, где разыгралась трагедия, то я ничуть не удивился — я ждал этого.

— Я был бы счастлив поехать с вами, если, конечно, не буду помехой, — сказал я.

— Мой дорогой Уотсон, вы сослужите мне большую службу, если поедете. И я уверен, что вы недаром потратите время, ибо случай этот, судя по тому, что уже известно, обещает быть исключительно интересным. Едем сейчас в Паддингтон, мы еще успеем на ближайший поезд. По дороге я расскажу вам подробности. Да, захватите, пожалуйста, ваш превосходный полевой бинокль, он может пригодиться.

Вот так и случилось, что спустя час после нашего разговора мы уже сидели в купе первого класса и поезд мчал нас в направлении Эксетера. Худое сосредоточенное лицо моего друга в надвинутом на лоб дорожном картузе склонилось над пачкой свежих газет, которыми он запасся в киоске на Паддингтонском вокзале. Наконец — Рединг к тому времени остался уже далеко позади — он сунул последнюю газету под сиденье и протянул мне портсигар.

— А мы хорошо едем, — заметил он, взглядывая то на часы, то в окно. — Делаем пятьдесят три с половиной мили в час.

— Я не заметил ни одного дистанционного столбика.

— И я тоже. Но расстояние между телеграфными столбами по этой дороге шестьдесят ярдов, так что высчитать скорость ничего не стоит. Вам, конечно, известны подробности убийства Джона Стрэкера и исчезновения Серебряного?

— Только те, о которых сообщалось в «Телеграф» и в «Кроникл».

— Это один из случаев, когда искусство логически мыслить должно быть использовано для тщательного анализа и отбора уже известных фактов, а не для поисков новых. Трагедия, с которой мы столкнулись, так загадочна и необычна и связана с судьбами стольких людей, что полиция буквально погибает от обилия версий, догадок и предположений. Трудность в том, чтобы выделить из массы измышлений и домыслов досужих толкователей и репортеров несомненные, непреложные факты. Установив исходные факты, мы начнем строить, основываясь на них, нашу теорию и попытаемся определить, какие моменты в данном деле можно считать узловыми. Во вторник вечером я получил две телеграммы — от хозяина Серебряного полковника Росса и от инспектора Грегори, которому поручено дело. Оба просят моей помощи.

— Во вторник вечером! — воскликнул я. — А сейчас уже четверг. Почему вы не поехали туда вчера?

— Я допустил ошибку, милый Уотсон. Боюсь, со мной это случается гораздо чаще, чем думают люди, знающие меня только по вашим запискам. Я просто не мог поверить, что лучшего скакуна Англии можно скрывать так долго, да еще в таком пустынном краю, как Северный Дартмур. Вчера я с часу на час ждал сообщения, что лошадь нашли и что ее похититель — убийца Джона Стрэкера. Но прошел день, прошла ночь, и единственное, что прибавилось к делу, — это арест молодого Фицроя Симпсона. Я понял, что пора действовать. И все-